

Н.А. Тарасова, С.Р. Хачатрян, И.А. Васильева, М.С. Тарасова

АНАЛИЗ ВАРИАНТОВ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА ОСНОВЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ, ЕГО СОСТАВА И ДОХОДОВ¹

Статья является продолжением работы в рамках созданной в ЦЭМИ РАН системы «Население, доходы, потребление», начатой под руководством и при активном участии Е.Ю. Фаермана по моделированию и прогнозированию состава, доходов и потребления населения при использовании ряда методик (в том числе многоуровневой комплексной структуризации населения, его доходов и потребления; моделирования и прогноза теневой занятости и скрываемых доходов и др.) и комплексной информационной статистической базы исследования. Проведен сравнительный анализ результатов четырех вариантов инерционных прогнозов социально-экономических показателей разных уровней (население в целом, его функциональные слои и составляющие их социальные и социально-экономические группы), в том числе по официальным и скрываемым доходам и теневой занятости; проанализированы варианты сценариев социальной политики, включая политику доходов, проблемы оплаты труда и политику в сфере социальных трансфертов; оценены экономические последствия сценария легализации доходов населения.

В сложившейся к настоящему времени экономической ситуации в РФ вопросы продуманной социальной политики государства имеют первостепенную важность. В связи с этим особое значение приобретают такие исследования, как система НДП («Население, доходы, потребление»), разработанная в ЦЭМИ РАН в качестве инструментария для исследования и оценки вариантов социальной политики и их последствий [1-3] на основе многоуровневой и многоаспектной структуризации населения страны с выделением скрываемых (неофициальных, нелегальных) элементов структур [4-7].

Общая организация системы НДП. Основной принцип структурирования населения – по источнику получаемых доходов. При этом на макроуровне рассчитываются (с использованием нескольких экзогенных переменных: ВВП, среднегодовой численности постоянного населения и пр.) не только общие и среднедушевые показатели потребления населения C_N , его общих (V) и чистых (V') доходов, налога на доходы физических лиц (B_N) и др., но также численность и доходы трех социальных слоев населения с функционально различными доходами. Два слоя занятых с «активными» доходами (официальными или скрываемыми) включают наемных работников (трудящихся – T) в основном с трудовыми доходами V_T и прочих занятых, условно называемых предпринимателями Π , чьи основные доходы V_Π называются предпринимательскими. Наконец, третий слой S – получатели в основном «пассивных» доходов V_S в виде социальных трансфертов в денежном выражении (пенсий, пособий и пр.). Введение оговорки «в основном» вызвано пересечением слоев (так, «совместителями» являются занятые пенсионеры и стипендиаты). В целом $V_T + V_\Pi + V_S = V$.

На следующих уровнях структурирования населения эти слои делятся на непересекающиеся социальные группы (соответственно введенным социальным

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 06-02-00154а).

ролям по детализированным источникам доходов). Большинство этих групп – с официальным социальным статусом; именно они рассматривались при исходной классификации населения. Позднее были введены две группы теневых занятых, которые получают только скрываемые активные доходы, соответственно называемые «теневыми» доходами V_t (трудовыми или предпринимательскими). Активные доходы легальных групп включают другую часть скрываемых доходов V_c , также трудовых ($V_{тс}$) или предпринимательских ($V_{пс}$) – эта часть (получаемая «официальными» занятыми) названа скрытыми доходами ($V_{сс}$). Соотношения указанных макро- и прочих показателей отражены на приведенной ниже схеме (рисунок).

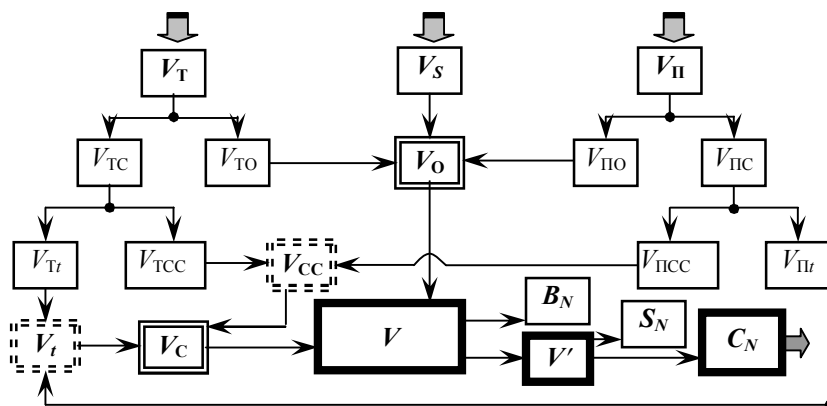

Рисунок. Схема формирования потребления населения (C_N), его текущих сбережений (S_N) и налога на доходы физических лиц (B_N):

его общих (V) и чистых доходов (V') – из функциональных доходов (V_T, V_{II}, V_S), официальных ($V_O = V_{TO} + V_{IIO} + V_S$) и скрываемых, или скрыто-теневых ($V_c = V_{TC} + V_{IIC} = V_{CC} + V_t$), включая теневые доходы $V_t = V_{Ti} + V_{IIPi}$ теневых занятых и скрытые доходы $V_{CC} = V_{TCC} + V_{IICC}$ официально занятых

Дальнейшее подецильное распределение численностей и доходов социальных групп приводит к выявлению социально-экономических (доходных) групп, которые наряду с социальными группами участвуют затем в типологизации семей и расчете семейных общих и среднедушевых доходов. Теоретические и методические положения данной работы – общая методика многоуровневого структурирования состава и доходов населения, методика моделирования и прогнозирования скрываемых элементов структур разных уровней и др. [4, 6, 8] – подтверждены результатами проведенных расчетов. При этом методика поэтапного контролируемого формирования статистической базы исследования, предусматривающая последовательную и многократную корректировку принимаемых гипотез, обеспечила достоверность самой базы (что имеет самостоятельную научную и практическую ценность) и дальнейших расчетов [5]. То же относится к полученным базовым и прогнозным оценкам объемов сокрытия занятости населения (теневая занятость) и его скрываемых доходов (теневых – при теневой занятости; скрытых – при официально зарегистрированной) [1, 4, 9].

Результаты макро- и детализированного (структурного) прогнозирования доходов и потребления населения. Анализ итогов проведенных расчетов по инерционному макропрогнозированию («сверху»), а также детализированному по социальным группам и обобщенному затем до макроуровня структурному

прогнозированию («снизу»), с применением разработанного инструментария, учетом обновления данных госстатистики² и прогнозных оценок МЭРТ для ВВП позволил выявить, в частности, следующее. Предварительно поясним, что рассматриваются данные за базовый период 1995-2002 гг. и прогнозные оценки (за 2003-2007 гг.) по доходам в ценах 2000 г. Это, во-первых, скрываемые ($V_{тс}$ и $V_{пс}$) и официальные ($V_{то}$ и $V_{по}$) активные доходы двух слоев занятых; во-вторых, пассивные доходы V_s третьего социального слоя – «трансфертников» (скрываемая часть доходов последних отсутствует).

В прогнозном периоде возможен рост *общих трудовых доходов* V_t более чем вдвое (с таким же ростом за прогнозный период и душевого трудового дохода) и наоборот, снижение (начавшееся с 1995 г.) *общих предпринимательских доходов* V_p .

Скрываемые трудовые доходы $V_{тс}$ вырастут к 2007 г. в 1,7 раза; доля их, максимальная в 2000 г. (35%), снижаясь, все же не достигнет начального уровня 1995 г. (21,4%), т.е. по сравнению с ним прозрачность системы оплаты труда снизится. Но появилась тенденция к улучшению ситуации, поскольку прогнозируемые *официальные трудовые доходы* $V_{то}$ увеличатся намного больше скрываемых

в 2,5 раза к уровню 2002 г.

У скрываемой части предпринимательских доходов $V_{пс}$ такой тенденции не наблюдается; за прогнозный период она может увеличиться более чем на 60% при одновременном снижении их официальной части почти на 40%. Скрываемые доходы, уходящие от налогообложения (и соответственно перераспределительных механизмов), часто вообще «уходящие» из экономики с трансформацией в вывоз капитала, в 2002 г. составляли менее трети предпринимательских доходов, а к концу 2007 г. могут превысить половину.

Таким образом, в целом прогноз скрываемых составляющих доходов V_c , суммарная доля которых в активных доходах к 2007 г. практически возвращается к начальному уровню, не гарантирует приближения экономики в ее инерционном развитии к цивилизованным принципам распределения национального дохода, со значительно меньшей степенью сокрытия доходов. Тем не менее слабо положительная тенденция снижения этой доли до 20 с 31% в 2002 г. (максимум в 1999 г. – 38%) дает основания для определенного оптимизма.

Пассивные доходы V_s могут вырасти более чем вдвое, что в условиях низкого уровня жизни основной массы россиян следует оценить положительно. Поскольку здесь отсутствует скрываемая составляющая, учет их в объеме общих доходов несколько усиливает указанную слабо положительную тенденцию, как и монетизация льгот, которую (с учетом убывания численности трансфертников, в том числе пенсионеров) может отражать более быстрое возрастание денежных трансфертов по сравнению с социальными трансфертами в натуральном выражении (в 1,7 раза).

В целом отношение официальных доходов V_o к скрываемым V_c , минимальное в 1999 г., за прогнозный период вырастет с 2,8 до 3,4 раза, подтверждая тенденцию снижения степени сокрытия доходов. В результате общая функциональная структура доходов в России постепенно теряет прежний «прокапиталистический» характер, далекий от современных стандартов социального партнерства (табл. 1).

Хотя объем *единого социального налога* (ЕСН) увеличится почти на 80%, но удвоение *объема трансфертов* V_s может привести к более чем 15-кратному росту той суммы из расходов бюджета на социальные цели, которая необходима для дополнения ЕСН до V_s .

² Результаты прогнозирования по более ранним данным госстатистики приведены в работе [6].

Резкое возрастание объема *налога на доходы физических лиц* (НДФЛ) – почти втрое – при явно меньшем росте налогооблагаемой базы (официальные активные доходы вырастают вдвое, что хотя и ненамного, но уступает росту НДФЛ) требует повышения собираемости налогов. При почти удвоении общих доходов населения указанный более быстрый рост объема НДФЛ объясняет меньший рост чистых доходов населения V' – в 1,8 раза (табл. 2 для 1996-2003 гг.). В росте *чистых доходов V' и потребления населения C_N* менее заметно, но все же прослеживается отмеченная выше тенденция снижения роли скрываемых доходов. Так, доля потребления населения за счет скрываемых доходов, колеблясь, снижается с 31% в 2002 г. до 28% в 2007 г.

Таблица 1

Динамика и прогнозы (I-II)* общей функциональной структуры доходов, %

Доходы**	1995 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
I*: V_T / V	53,0	56,1	57,0	58,4	58,8	59,1	65,2	66,1	67,0
V_N / V	34,7	30,5	28,0	26,6	25,1	23,1	21,6	19,7	17,4
V_S / V	12,3	13,4	15,0	15,0	16,1	17,8	13,1	14,3	15,6
II*: V_T / V	53,0	56,1	57,0	58,4	58,8	59,3	66,9	67,9	69,0
V_N / V	34,7	30,5	28,0	26,6	25,1	21,8	17,1	15,3	13,4
V_S / V	12,3	13,4	15,0	15,0	16,1	16,1	13,1	16,8	17,6

* I – наши расчеты по прогнозу ВВП, данному МЭРТ в начале 2005 г. / «Прогноз социально-экономического развития России на 2005 г. и основные параметры прогноза до 2007 г.», 2004/; II – то же по прогнозу МЭРТ в сентябре 2005 г. / «Основные показатели прогноза социально-экономического развития России до 2008 г.», 2005.
 ** Общие доходы $V = V_T + V_N + V_S = 100\%$.

Переходя к структурному прогнозу душевых доходов (по 14-ти социальным группам населения, включая две группы теневого сектора), получаем более высокие величины общих трудовых доходов и более низкие – душевого дохода на одного человека и общих предпринимательских доходов.

Анализ подецильных распределений численностей зарегистрированных занятых показывает нарастание за прогнозный период более чем в 10 раз весомости предпринимателей в старших децилях, что отражает инерцию роста дифференциации занятых и стремление к концентрации капитала.

Одновременно складывается обратная ситуация – по прогнозу распределений трудящихся; так, доля их «чистой» (где нет трудящихся-предпринимателей, пенсионеров или стипендиатов) группы от 1-го к 10-му децилю снижается более чем вдвое. Это значит, что могут возрасти трудности с выплатой социальных трансфертов в денежном выражении (поскольку от фонда заработной платы зависит объем ЕСН – основного источника этих трансфертов) и показывает необходимость повышения уровня оплаты труда, в первую очередь, низкооплачиваемого контингента бюджетников.

Результаты сопоставления оценок по макро- и структурному прогнозу показывают, что последние изменения макропрогноза соответствуют логике прогнозирования «приоритетных» душевых (а не общих) активных доходов. Иными словами, сопоставление отношений структурного автономного прогноза общих доходов (идущего «снизу вверх») и последнего макропрогноза (см. II в табл. 1) к предыдущему (I – там же) показывает соответствие «макроизменений» – роста V_T и снижения V_N – структурным оценкам по душевым показателям. Преодоление же понижательной тенденции V_S в последнем прогнозе пока что положительно для российских условий.

В целом анализ полученных результатов свидетельствует об определенном приближении общей функциональной структуры доходов населения к свойственной социально ориентированным рыночным экономикам. При сравнении официальных прогнозов МЭРТ – данного к началу 2005 г. и к сентябрю 2005 г. – с помощью наших макропрогнозов обнаруживаются определенные положительные (в социальном плане) изменения.

Таблица 2

Так, в общей функциональной структуре доходов доля активных доходов наемных работников (трудовых доходов V_T) больше на 4,3%, чем в предыдущем варианте, а предпринимательских V_{II} – ниже на 3,5%, что ближе к социально ориентированным структурам (см. табл. 1). Доля трудовых доходов в национальном доходе по последнему макропрогнозу в 2007 г. составит 65,3%, что на 6,4% выше предыдущего. Но одновременно выявляется неизбежность – при сохранении инерционности развития отечественной экономики – укрепления таких значимых преград на пути развития страны, как усиливающееся расслоение населения с «олигархизацией» верхов и растущей непрозрачностью предпринимательских доходов, так как прогнозируемый рост их скрываемой части идет практически при отсутствии такового у официальной части.

Социально-экономическая ситуация в стране и варианты ее развития получают нередко различные оценки экономистов и социологов – как теоретиков, так и практиков. Поэтому полученные нами результаты дополнены кратким анализом этих оценок – точнее, тех из них, которые представляют интерес в рамках критического анализа действующего сценария социальной политики; эти оценки и наши собственные заключения мы считаем необходимым подкреплять достаточно наглядными статистическими материалами, поскольку речь идет о весьма «болезненных» для общества темах.

Анализ доходов и потребления населения. По явно заниженным официальным данным на 2003 г., соотношение доходов 10% наиболее богатой части населения и 10% наиболее бедной (децильный коэффициент) составляло 14:1; позднее дифференциация возросла. В наших расчетах учитывается и распределение скрываемых доходов, что дает еще более дифференцированное соотношение доходов 38:1, которое говорит о более высокой и усиливающейся дифференциации. Такое растущее неравенство не позволяет решить проблему бедности.

В старшем дециле вариация в доходах наиболее высока (хотя очень богатые слои обычно остаются «вне» госстатистики). 1% богатейшей части населения России получает 35% всего национального дохода (по аналогии в США – 40%). Не случайно в журнале «Форбс» утверждалось, что у нас «больше миллиардеров по отношению к ВВП, чем в любой другой стране мира» [10]. При этом дефицит доходов у бедных (их «отставание» от уровня прожиточного минимума) невелик по сравнению с общими доходами населения. Он составлял 4,4, 3,6 и 3,1% общих доходов в 2001-2003 гг. [11].

В России образовалось два социальных мира (поскольку социальная поляризация населения увеличилась в 2,5-3 раза (см. [12]) – два класса, совершенно различных по уровню и качеству жизни. В этих условиях экономический рост сам по себе не обеспечит снижения бедности (для этого темп роста дохода семьи должен понижаться с ростом уровня дохода), и социальное неравенство будет только возрастать [13]. Это следствие существующей системы распределения, принятой социальной политики. Определивший рост экономики (более 60% ВВП) рынок услуг, как выяснили эксперты Всемирного банка, включает в основном трансфертное ценообразование в нефтегазовом секторе с продажей сырья по заниженным ценам, лишь впоследствии – и уже другими организациями – реализуем на рыночных условиях. При этом дополнительный приток валюты, пополняющий, в частности, Стабилизационный фонд, в то же время финансирует потребление импорта в основном для наиболее богатой части населения. Объем потребления отечественных товаров не увеличивается и даже несколько сокращается в связи с уменьшением реального платежеспособного спроса основной части населения и неблагоприятных условий для отечественных производителей.

По данным госстатистики, как отмечено С.А. Айвазяном [14], признаки экономического роста не сопровождаются проявлением «сколько-нибудь существенных позитивных тенденций в ключевых показателях качества жизни российского населения»³. Так, конечное потребление домашних хозяйств России в 2003 г. на душу населения составило 1200 долл. США с учетом паритета покупательной способности [14], тогда как душевой ВВП – 7900 в тех же единицах. Иными словами, доля конечного потребления составляет 15,2% ВВП. По мнению некоторых экспертов МВФ, рост фактического конечного потребления (см. оценки ЦБ РФ по госстатистике в табл. 2) излишен и – без роста предложения отечественных товаров – провоцирует инфляцию. В то же время многие российские специалисты считают, наоборот, его недостаточным ввиду низкого уровня стартовых показателей. С этим мнением, учитывающим российскую специфику потребления населения в начале 90-х годов, трудно не согласиться. Тем более, что росло потребление отнюдь не всех групп населения, и ниже мы вернемся к вопросу расслоения населения в области потребления.

Отсутствие даже не прямой, а сколько-нибудь заметной зависимости уровня и качества жизни основной массы населения от роста золотовалютных резервов страны и Стабилизационного фонда становится настолько очевидным, что приобретает весомую социальную или, точнее, социально-политическую значимость. В то же время обоснованные (целенаправленные и достигающие цели) расходы – без дополнительных доходов Стабилизационного фонда – на социальную инфраструктуру, модернизацию ЖКХ, транспортной инфраструктуры и другие социально значимые инвестиционные проекты, которые не вызовут роста инфляции, могли бы, наоборот, сократить бюджетные расходы на поддержку низкодоходных слоев населения.

В настоящее время политика регулирования доходов в России характеризуется нарушениями международного права. В Европейской Социальной Хартии, например, сказано: «признать право трудящихся на вознаграждение, которое позволит обеспечить им и их семьям достойный уровень жизни» (ч. II, Ст. I). Но оплату труда по ставке ниже прожиточного минимума почти трети занятых в российской экономике [11] никак нельзя признать достойной. Устранение этого положения должно стать абсолютным приоритетом. Это означает, что минимальный размер оплаты труда должен быть поднят до (и даже выше) уровня прожиточного минимума; аналогичные преобразования должны коснуться социальных трансфертов. Это повысило бы уровень благосостояния населения, по которому Россия, согласно последнему ежегодному докладу ООН, находится на 62-м месте (из 177), переместившись за год на пять позиций вниз и попадая в группу стран со средней заработной платой 200 долл. в месяц с прогнозом ухудшения этого положения.

Неотложность изменения существующего положения подчеркивается в «Социальной доктрине России» [15], согласно которой параметры социального развития должны выступать в краткосрочном плане как ограничение экономических решений, а в среднесрочном – уже в качестве критерия оценки успешности развития во *всех* сферах.

³ Это утверждение отнюдь не противоречит реальному росту в стране с 2000 г. среднедушевого дохода, который при растущей дифференциации доходов населения «усредняет» дальнейшее весомое обогащение и без того богатых слоев при обнищании бедных. Вторые составляют явное большинство, судя по результатам опроса, представленным ИКСМ РАН: по России на одного члена семьи в среднем за месяц приходится 3,5 тыс. руб., причем треть населения – с доходом менее 2 тыс. руб., еще треть имеет 2-3 тыс. руб., а свыше 9 тыс. руб. – лишь 4% опрошенных. При таком распределении остается удивляться возмущению депутата Государственной Думы В. Рыжкова, что россияне «не тратят средства на вторую профессию, образование, здоровье и новые зубы». Что касается оценок доходов населения, то госстатистика может их несколько исказить – скажем, в методике не учитываются проценты по валютным вкладам и saldo обменных операций с валютой (берется ее валовая покупка).

Воздействие вариантов легализации доходов населения на показатели доходов и потребления населения и налоговую политику. Если судить по результатам опроса 1500 чел. (в 100 населенных пунктах разных регионов) Фондом «Общественное мнение» в 2004 г., то из двух сторон – работодателей и наемных работников – вторая в целом предпочитает легальное, официальное получение заработной платы (в основном ради обеспечения пенсии в старости). При этом более 60% предпочитавших легальные выплаты имеют скрываемые (скрытые – у официально зарегистрированных трудящихся, теневые – у незарегистрированных) доходы, общее число получателей которых выросло за 2001-2004 гг. до 9% общей численности опрошенных. В то же время, по нашим оценкам, скрываемые трудовые доходы, снижающие объем ЕСН, доходили до 35% общего объема трудовых доходов в 2000 г.; встречаются и более высокие оценки – до 40%. По данным Министерства по налогам и сборам, 25-50% отечественных компаний используют «серые» схемы выплат. Все это свидетельствует о явной заинтересованности работодателей (во всяком случае, негосударственных) в сокрытии таких доходов. Видимо, их легализация лишила бы работодателей весьма эффективного механизма экономического воздействия на степень активности трудящихся по защите своих прав. Разумеется, такой механизм действенен лишь при избытке предложения рабочей силы на соответствующем региональном рынке труда. Так, член Совета предпринимателей Мордовии И.Е. Ворожейкин на Всероссийской конференции «Формирование стратегии устойчивости социально-экономического развития регионов РФ» в мае 2005 г. утверждал: зарплата «в конвертах» у них отсутствует по причине дефицита кадров – предприниматель ради их сохранения скорее идет на уступки трудящимся.

В табл. 3 приведен пример легализации трудовых доходов в сценарных прогнозах на 2006-2007 гг. без изменения их общего объема при институциональных сценариях развития, когда экономика функционирует только по «легальным» законам. По нашим расчетам, это могло бы существенно – на треть (а при одновременном снижении выплат социального характера, например на одну треть – и вдвое больше) – увеличить объем ЕСН по сравнению с реальным (инерционным) сценарием, продолжающим прежнюю тенденцию сокрытия доходов [1, 9]. Хотя ЕСН, заменивший обязательные страховые платежи, в определенной степени теряет свою явно социальную направленность [16], все же рост его объема дал бы добавочные ресурсы для решения социальных проблем.

Необходима реформа налоговой политики, как средства аккумуляции финансовых средств для проведения адекватной социальной политики. О едином социальном налоге речь уже шла. Кстати, помимо отрицательных оценок снижения ЕСН [16], имеются и противоположные [11]: предлагается стимулировать рост заработных плат радикальным снижением ЕСН (компенсируя его ростом налога на недвижимость) с налоговой дискриминацией прибыли в зависимости от доли оплаты труда в добавленной стоимости.

Что касается налога на НДФЛ, то при огромной наблюдаемой диспропорции доходов (и еще большей – ненаблюдаемой) единая налоговая ставка в 13% представляется абсолютно необоснованной. Переход к этой ставке привел к большей налоговой нагрузке на малообеспеченные слои (рост на 1%) и меньшей – на богатые и очень богатые [16].

Другой вариант, включающий систему прогрессивных ставок НДФЛ, уже предлагался в 2003 г. Д.С. Львовым и Е.Ю. Фаерманом (ЦЭМИ РАН): доходы, не превышающие прожиточный минимум (ПМ), подоходным налогом не облагаются; превышающие ПМ – облагаются налогом в 10%, превышающие 2ПМ – налогом в

20%, превышающие 5ПМ – в 40%, превышающие 10ПМ – в 60% (немного иной вариант – 15% свыше 2ПМ, 20% свыше 3ПМ и т.д. – дан в ИСЭПН [17]).

При такой системе налогообложения средняя ставка подоходного налога составит 30% по сравнению с действующей в 13%; причем основная тяжесть налогового бремени ляжет на лиц с достаточно высокими и очень высокими доходами, которые живут в основном не за счет труда, а за счет капитала (в европейских странах максимальные налоги достигают 50-60% [16]). При этом логично не взимать налог с доходов ниже годового уровня ПМ работников и их иждивенцев.

Табл. 3

Государство также является работодателем, но оно заинтересовано в легализации доходов хотя бы ради роста налогооблагаемой базы для ЕСН и НДФЛ. Прогнозы объемов НДФЛ, чистых доходов и потребления населения по сценариям реальному и институциональному (при легализации всех активных доходов с сохранением их объема) приведены в табл. 4. По второму сценарию незначительное (на 2,5-3,0%) снижение чистых доходов и потребления населения с 2006 г. сопровождается падением в 3,5-5,2 раза необходимых бюджетных ассигнований, дополняющих социальный налог до требуемого объема выплат денежных социальных трансфертов V_s [1]. Это могло бы снять необходимость поспешного осуществления пенсионной реформы до анализа всех ее последствий.

Анализ политики доходов в бюджетной сфере и производительность труда.

Если учесть, что из общего объема налоговых поступлений существенная часть собирается с официальной заработной платы; если также учесть явно большее, чем у трудящихся, тяготение предпринимателей с полными («чистыми») доходами к старшим, «богатым» децилям, а кроме того, и ситуацию с сокрытием доходов, особенно предпринимательских (по макропрогнозу, к 2007 г. степень их сокрытия может достигнуть до 54%, а у трудовых – снизиться до 23% [1]), то с точки зрения общегосударственных интересов, неизбежен вывод о настоятельной необходимости, во-первых, повышения официальной оплаты труда, особенно низкой; во-вторых, смещения основного бремени налогообложения на богатых (по прогрессивной шкале) и в-третьих, принятия реальных государственных мер по легализации доходов, особенно богатых слоев.

Низкий уровень российской заработной платы, ограничивая рост покупательной способности населения, препятствует стабильному росту производства, не будучи стимулом для работника и не обеспечивая условия для воспроизводства трудовых ресурсов. При этом первоочередной задачей, безусловно, является рост особенно низкой оплаты труда тех бюджетников, которые получают заработную плату из федерального, регионального или муниципального бюджета по Единой тарифной сетке (ЕТС). Вообще, состав бюджетников неоднороден: к ним относятся и весьма скромно оплачиваемые по ЕТС учителя, медики и пр. (их заработная плата в базовом периоде не превышала трех четвертей средней заработной платы в экономике), лишь треть которых (к 2003 г. – половина) имели заработную плату выше ПМ; и чиновники, федеральные и региональные, вплоть до самых высоких рангов, с существенно выросшей (не по ЕТС) заработной платой; и депутаты Государственной Думы, законодательно установившие свою заработную плату на уровне министров.

Государство устанавливает *минимальный размер оплаты труда*, который не так давно составлял всего 600 руб./мес., или 10% средней заработной платы по стране; с первого сентября 2005 г. 800 руб., а с первого мая 2006 г. 1100 руб. При этом, по рекомендации Международной организации труда, в развитых (и не очень развитых) странах минимальная заработная плата не ниже 50% средней. Верхний же официальный предел для бюджетников, труд которых оплачивается в соответствии с ЕТС, составлял – менее 4000 руб./мес., т. е. менее трех *физиологических* минимумов при потребительской корзине – 1400 руб./мес.

Согласно разработкам, приведенным в работе [16], необходимо одновременно осуществить повышение заработной платы и снижение ее дифференциации при

росте обязательных платежей со стороны работника и снижении таких платежей со стороны работодателя (для сбалансированности их интересов).

Табл. 4

Говоря о проблеме повышения заработной платы, нельзя не вспомнить о часто повторяемой, в том числе в докладах МОТ, крайне низкой оценке производительности труда в России. Без достойной оплаты труда (в России почасовая оплата – в 11-14 раз ниже, чем в развитых странах) эта оценка не может повыситься. Подчеркнем высказанное ранее на основе проведенных расчетов утверждение: величина *удельной производительности труда (на единицу его оплаты)*, отражающая степень эксплуатации труда, в России примерно вдвое-втрое *выше* по сравнению с Канадой [18-19]. То же затем выявилось и при сравнении с другими развитыми странами. Причиной низкой производительности труда в России глава МЭРТ

Г. Греф считает низкое качество менеджмента; да и по нашим оценкам (в указанных источниках), российский аппарат органов управления в отличие от канадского обычно не оправдывает высокие заработки высокой производительностью труда.

В то же время отнюдь не низкое значение производительности труда показывают некоторые «бедные» бюджетные отрасли – например наука [18-19]. Имеются оценки Г.К. Семина, члена Президиума профсоюза РАН, говорящие о нелинейной экспоненциальной зависимости падения производительности труда в экономике от снижения уровня финансирования науки. Так, снижение вдвое законодательно установленного уровня – 4% расходов бюджета – снижает производительность труда почти в восемь раз [20]. В России на науку выделяется фактически всего 0,34% ВВП (а в странах ЕС, Южно-азиатского сообщества – до 3% ВВП), и в итоге, при уже произошедшем падении в 40 раз доли России в мировом объеме наукоемкой продукции, инновационная компонента экономического развития практически исключается. Таким образом, наука сохраняется лишь для консультативной деятельности, которая через ряд лет также может прекратиться из-за ухода старшего поколения из «постаревшей» науки.

Намеченный рост средней заработной платы бюджетников в 2 раза за три года будет во многом «съеден» инфляцией и ростом тарифов; но даже такой рост заработной платы вызывает опасения главы миссии МВФ в России П. Томсена, поскольку, по его мнению, вызовет рост инфляции (хотя этого можно избежать, если рост заработной платы приведет к росту производительности труда и расширению производства; да и опыт России показывает, что инфляция растет и без роста заработной платы). При этом имеется реальная опасность поглощения роста ассигнований в сфере образования и здравоохранения не столько низкооплачиваемыми бюджетниками (их зарплата бывает меньше «губернаторской», например, в 30 раз, как в Удмуртии, поскольку администрация, в том числе региональная, нередко сама устанавливает себе и заработную плату, и численность персонала), сколько бюрократией «социальной» или административной. Видимо, для эффективного осуществления социальных реформ, в том числе в области оплаты труда, требуется первоочередное эффективное осуществление административной реформы с уменьшением численности (и соответственно «безответственности») управленцев. Необходимость проведения реформы подтверждают результаты анализа бюджетной политики последних лет, трансформации ее расходной части, такие как: 1) ускоренный темп роста расходов на государственное управление, в принципе правомерный для стабильной работы рыночных механизмов, но слабо соизмеримый с растущими потребностями других направлений государственных расходов (в частности, социальных); крен в сторону роста оплаты труда управленцев пока не дает желаемых результатов, но увеличивает неравенство доходов, не способствуя росту общественного согласия; 2) усиливающийся спад доверия граждан ко всем структурам власти и государственным институтам, к

крупному бизнесу (а бизнеса – к институтам власти); 3) выделение растущей (даже при сокращении функций государства по поддержке социальной сферы) категории государственных чиновников в элитарное сословие, что приводит к падению престижа квалифицированных специалистов (ученых, учителей и т. д.), становясь преградой на пути социального развития общества.

Анализ политики в сфере социальных трансфертов и услуг. Ничтожность пенсий, стипендий и прочих денежных социальных трансфертов заметно сказывается на рынке труда, создавая избыточное давление на него тех социальных групп (работающие пенсионеры по старости, студенты, инвалиды), которым пенсий и пособий явно не хватает для нормальной жизни. Это видно при сопоставлении размера трансфертов с такими измерителями потребностей человека, как прожиточный или физиологический минимум. В контексте реформирования социальной политики необходимо остановиться на понятии *прожиточного минимума* (ПМ). Потребительские расходы существенно недооценены Росстатом (расходы богатых слоев остаются «вне» государственной статистики), так что использование существующего ПМ занижает численность бедных, по некоторым оценкам, на 10 тыс. чел. Наши оценки темпов роста потребления населения также превышают официальные данные (см. табл. 2).

Будучи за рубежом просто неким условным индексом, в России ПМ служит отправной точкой при расчетах многих важных показателей (табл. 5). Сама формулировка этого термина означает, что речь идет о ресурсе, необходимом для *социального* выживания человека и его семьи. Официальный ПМ, рассчитанный по крайне экономной методике Минтруда, единой для всех регионов России, почти вдвое занижал уровень, необходимый для Москвы (по оценке Московской трехсторонней комиссии) и других регионов (по оценке ИСЭПН), хотя имеется проект замены и такого ПМ на так называемый гарантированный минимальный доход, равный всего 0,6 ПМ [17]. В 2005 г. ПМ, эквивалентный

85 руб. в день, обеспечивал для среднестатистического россиянина выживание отнюдь не социальное. Последнее требует увеличения ПМ в 2-2,2 раза (по аналогии с установленным ПМ в США, в 3 раза превышающем биологический минимум). Минимальная заработная плата должна устанавливаться с учетом этого минимума, т.е. никоим образом не может быть меньше его (по ст. 133 Трудового кодекса); но и в 2005 г. она составила всего одну его четверть – 24 долл. в месяц [21]. Поскольку минимальный размер оплаты труда должен содержать объем ресурсов, необходимых не только для воспроизводства работника, но и содержания хотя бы одного ребенка, то он должен составлять не менее чем 1,3-1,5 ПМ.

Если говорить о фактическом возрождении страхования от социальных рисков и о минимальных размерах таких трансфертов, как пенсия по старости, пособие по безработице, детское пособие, то они также должны быть жестко привязаны к *реально* оцененному ПМ. В ЦЭМИ была разработана следующая схема для минимальных размеров трансфертов: пенсия по старости – 0,7 ПМ, пособие по безработице – 0,7 ПМ, детское пособие – 0,2 ПМ [1]. Безусловно, эти цифры не внушают оптимизма, но поддержание хотя бы такого уровня социальных трансфертов могло бы составить часть политики социальной модернизации. Из табл. 5 следует, что не только минимальная пенсия по старости, но и базовая часть пенсии составляет всего 0,3 ПМ (а ранее – и вдвое-втрое ниже).

Размеры детских пособий в РФ недопустимо низки для любого хотя бы среднеразвитого государства: в 1999-2003 гг. они составляли 5-7% ПМ детей. С 1 сентября 2005 г. не прожиточный, но хотя бы физиологический минимум (1400 руб./мес.) превышает стипендии аспирантов – 1500 руб./мес., но не студентов: даже отличники получают 600 руб./мес. вместо предыдущих 500 руб./мес. – приращение, незаметное на фоне инфляции.

Табл. 5

Инфляция препятствует также реальному росту пенсии, обусловив падение ее, скажем, в 1999 г. на 23% (см. табл. 5), и может создать еще более серьезную проблему: накопительные пенсионные средства (к концу 2005 г. – 250 млрд. руб. с доходом в 3,5% годовых) могут значительно обесцениться к моменту превращения в реальные пенсии. Предлагаемая замена накопительного принципа добровольным «дополнительным пенсионным страхованием» вряд ли улучшит ситуацию [16]. Кстати, рассмотрение нынешних трансфертников (прямо или косвенно) как иждивенцев работающих вызвано исчезновением их прежних страховых отчислений после использования их *государством* (а не самими владельцами таких отчислений, т. е. не самими трансфертниками).

При этом Пенсионный фонд повторно пытался изменить возрастной ценз лиц, имеющих право на получение подобных отчислений, пусть даже эти лица уже платили такие взносы, идущие теперь в «общий котел». Средний срок «пенсионной» жизни в России пока что всего 8,4 года (то же – только в Перу и Румынии), так что повышение пенсионного возраста только в интересах Пенсионного фонда, как и предлагаемая им схема добровольных выплат ему же 4% заработка с компенсацией половины при обещании выйти на пенсию на 2-3 года позже. В итоге пенсионная реформа теряет привлекательность и доверие. Средством улучшения сегодняшней ситуации был бы переход базовой пенсии в расходы федерального бюджета при повышении прозрачности финансовой деятельности фонда. Даже при нынешних ставках ЕСН дефицитность пенсионной системы могла бы резко пойти на убыль при легализации доходов (см. табл. 3-4). По соотношению работающих и получающих трудовую пенсию по старости коэффициент замещения пенсией прошлого заработка мог бы быть 40%, т.е. более 3 тыс.руб., а сейчас он в среднем составляет около 30%, т.е. 2 тыс. руб., уменьшаясь с ростом заработной платы: 40, 30, 18 и 14% при заработной плате в 3, 6, 12 и 18 тыс. руб. [21]. Введение накопительной части пенсий (фактически за счет снижения обеспечения нынешних пенсионеров) ослабляет связь пенсий с заработной платой и трудовым стажем работника [16].

Существующая пенсионная система ведет к усилению дифференциации доходов населения. За последние два года темп роста пенсий (в реальном выражении) существенно отставал от темпов роста заработной платы, что явилось причиной дальнейшего роста расслоения населения. Рост на 4,5 и 5,6% пенсий в 2003 г. и 2004 г. значительно отставал от роста потребления, в частности, розничного товарооборота. Если из размера пенсий (в среднем около 2100 руб./мес.) вычесть растущие расходы на жилищно-коммунальные услуги, даже со льготами в 50%, то остаток средств в распоряжении этого слоя не рос на протяжении последних лет – отсюда углубление расслоения и отсутствие сбережений. Таким образом, перед целыми социальными слоями выстроен барьер потребления. Потребительский бум в стране (рост расходов) фактически не коснулся этих слоев, происходит дальнейшая примитивизация их потребления.

Этот процесс могла бы затормозить организация адресных программ социальной помощи. В их основе могут лежать различные цели социально-экономической политики и критерии определения групп людей, нуждающихся в адресной поддержке. Принципы и методы определения этих целевых групп отражают систему социальных ценностей общества. При отсутствии достоверной информации о доходах в большинстве стран постсоветского пространства применяются три метода категоризации населения: социально незащищенные слои населения; группы лиц, имеющие заслуги перед обществом; государственные служащие. Практика показывает, что льготы для большинства представителей двух

последних категорий больше помогают относительно обеспеченным, чем малоимущим гражданам, и для категории государственных чиновников, с их весьма высокой оплатой труда, эти льготы не имеют никаких социальных обоснований.

В сфере социальных трансфертов, которые государство осуществляет в натуральной форме (и от которых зависит объем фактического результирующего потребления – см. табл. 2), до недавнего времени государственные гарантии гражданам, называемые льготами, носили патерналистский характер, будучи исторически связаны с общественными фондами и уровнем оплаты труда советского периода. Такая политика в наших условиях нередко приводила к чиновничьему произволу и обездоленности части граждан, поэтому необходимо было осуществить (притом в соответствии с реальными потребностями населения и реальными оценками численности различных льготников) отказ от принудительного получения так называемых «бесплатных услуг» и перейти к разумной политике монетизации льгот, адресных субсидий, не допуская их невыплат. Не останавливаясь подробно на этой отдельной большой проблеме, отметим, что переход к монетизации (естественно, не принудительной) гарантий, *обоснованно* скорректированных, – необходимая реформа на пути к цивилизованной экономике, но точно оценить ее влияние на доходы населения пока невозможно из-за отсутствия необходимых точных данных даже численности льготников. Предварительно следовало, дав более точную оценку числа претендентов на льготы, рассчитать размеры компенсации, определить источники финансирования и т.д. К тому же монетизация совпала с ростом цен на оплату услуг ЖКХ (на 28%) и транспорта (на 13%); в итоге ухудшилось материальное положение 53% семей [11].

Непродуманное осуществление недостаточно хорошо подготовленного закона о монетизации льгот, вызывающего рост расходов бюджета не менее чем на одну пятую [16] (при том, что закон декларирует вряд ли достижимое «сохранение и возможное повышение ранее достигнутого уровня социальной защиты граждан»), вызвало двоякую реакцию. С одной стороны, имеется активно проявляемое недовольство многих обиженных льготников: в целом, как уже сказано, монетизация ухудшила положение более половины семей. С другой – даже эти небольшие деньги многими рассматриваются как желанное увеличение доходов: скачкообразно возросла за 7 месяцев 2005 г. численность инвалидов (от 11 до 11,7 млн. чел.), а далее за 10 дней августа на треть выросло число отказов от социального пакета в пользу денег. Учитывая недопустимо низкий уровень жизни многих семей, вряд ли можно согласиться с резко отрицательной (по теоретико-политэкономическим соображениям) оценкой этого явления в работе [21].

Реформирование системы социальных льгот в целом затрагивает 44 млн. чел. Почти половина из них переведены в ведение региональных бюджетов, так что 10 млн. пенсионеров могут лишиться льгот – местные власти сами решают вопрос об их предоставлении. В настоящее время окончательно необоснованы принципы разделения льготных категорий на федеральные и региональные и пропорции межбюджетного распределения средств, необходимых для покрытия предоставляемых льгот (в частности, для компенсации разницы между коммерческими и льготными тарифами). Учитывая опыт, вторую монетизацию – замену льгот по оплате жилищно-коммунальных услуг – предложено отложить: во-первых, из-за отрицательной реакции на первую; во-вторых, что более важно, по причине невозможности контролировать рост тарифов естественных монополий. Необходимо отметить, что льготы по оплате жилищно-коммунальных услуг имеют

специфику, которая облегчает их монетизацию: наличие персональных счетов у всех льготников, ежемесячная переоценка объема предоставляемых льгот, отражающаяся в платежках, наличие в большинстве регионов работающих систем адресных субсидий для граждан (в чьих доходах оплата услуг ЖКХ в ряде регионов составляет 22% и более) позволяют достаточно точно оценить стоимость реформы и в определенной степени гарантировать, что изменения в тарифной политике при разумном подходе не станут тяжелым ударом для малоимущих слоев населения. Примерная оценка объема льгот составляла менее 52 млрд. руб. в 2005 г. (государство финансирует примерно половину этих льгот), что вполне доступно при нынешних бюджетных возможностях.

Вопросы реформирования ЖКХ требуют отдельного исследования. Что касается тарифов на жилищно-коммунальные услуги, от которых зависит оценка понесенного ущерба населением от реформы ЖКХ и соответственно оценка результирующего потребления (см. табл. 2), то в качестве основного метода регулирования можно рекомендовать устанавливать их предельный уровень аналогично практике ценообразования на продукцию естественных монополий. Такой подход будет способствовать сокращению издержек и повышению эффективности предприятий жилищного комплекса, нацеливать их на реализацию ресурсосберегающих инвестиционных проектов.

Предсказуемость тарифной политики в среднесрочной перспективе позволит ускорить процесс модернизации комплекса и избежать социальной напряженности в стране. Важный социальный аспект тарифной политики состоит, как отмечалось ранее, в упорядочении существующей системы льгот и четком выполнении принятых государством обязательств по их компенсации из бюджетов разных уровней [22].

За 5 мес. 2005 г. на долю тарифов ЖКХ приходится треть от 7,1% инфляции. Вообще, инфляция позволяет правительству экономить на социальных расходах, исходя при прогнозных расчетах из нереально оптимистических оценок ее. Одновременно происходит взрыв цен на услуги естественных монополий: если в 2004 г. цены в сфере ЖКХ выросли максимум на 40%, то в январе 2005 г. – почти на 68%.

Ситуация с уровнем бедности в стране такова, что сохранение бесплатного минимума социальных благ (например, базового образования и минимальной «медицинской корзины» [17]) представляется неизбежным. Можно только приветствовать рост непроцентных расходов бюджета 2006 г. на здравоохранение (на 64%) и образование (на 29%). Но такой рост вряд ли достаточен для улучшения ситуации хотя бы в сфере образования (где заработная плата меньше ПМ более чем у 43% занятых [11]), если учесть инфляцию, рост тарифов ЖКХ и естественных монополий при спорных «министерских» новациях в образовании и при отмеченных выше «аппетитах» социальной бюрократии. При разумном же, улучшающем социальное обслуживание основной массы населения, распределении инвестиций в здравоохранение и образование – это инвестиции в рост производительности труда, в человеческий капитал [13].

Подводя итоги проведенного исследования, отметим, что, на наш взгляд, трудности реформирования социальной сферы обусловлены как минимум двумя причинами: 1) невниманием властей к фундаменту любой реформы – выявлению *достоверности и полноты исходной информации*, необходимой для осуществления реформы (что произошло, например, со списками льготников при монетизации), причем важность этого фундамента недооценивается на самых разных уровнях; 2) недооценкой (со стороны властных структур) *предварительного комплексного анализа* всех аспектов и последствий реформы, ее места в системе сложившихся социально-экономических отношений в обществе и подобных проблем, требующих *серьезного научного подхода*.

Устранение этих причин невозможно без изменения недальновидного отношения к научным исследованиям со стороны государства. Тенденция монополизации разработок приводит к недостаточно продуманной стратегии и тактики осуществления социальных реформ, вызывая рост недоверия к власти из-за многих непредусмотренных негативных последствий и усугубляя трудности реформирования. Немаловажное практическое значение проведенного исследования состоит в нахождении возможных подходов к решению обеих отмеченных проблем для содействия успешному социальному реформированию страны.

Литература

1. Фаерман Е.Ю., Хачатрян С.Р., Тарасова Н.А. и др. Моделирование социально-экономической структуры населения РФ, его доходов и варианты социальной политики / В колл. монографии «Россия в глобализирующемся мире. Политико-экономические очерки». М.: Наука, 2004.
2. Тарасова Н.А., Хачатрян С.Р., Фаерман Е.Ю. и др. Моделирование и прогнозирование комплексных структур населения и анализ сценариев социальной политики / Препринт # WP/2006/201. М.: ЦЭМИ РАН, 2006.
3. Тарасова Н.А., Фаерман Е.Ю., Хачатрян С.Р. Подходы к формированию сценариев социально-экономической политики: макроэкономический анализ и прогноз. Всероссийская научно-практическая конференция «Формирование стратегии устойчивого социально-экономического развития регионов РФ». Секция 1 «Концептуальные основы, формирование эффективной экономической политики и организационно-правовое обеспечение при переходе на модель устойчивого развития: региональный, федеральный и глобальный аспекты стратегии», Саранск, 2006.
4. Тарасова Н.А. Моделирование и прогнозирование скрываемых элементов занятости и доходов. // Экономика и матем. методы. 2006. Т. 42. № 3.
5. Тарасова Н.А., Фаерман Е.Ю., Васильева И.А. и др. Динамика социально-экономической структуры населения РФ, его доходов и влияние мер социальной политики. Ч. II. Статистическая база анализа и прогноза социально-экономического состава населения и структуры его денежных доходов / Препринт ЦЭМИ РАН #WP/2003/163. М.: ЦЭМИ РАН, 2003
6. Тарасова Н.А., Хачатрян С.Р., Васильева И.А. и др. Структуризация населения с учетом «скрытых» элементов занятости и доходов и прогнозы социальной политики / Препринт # WP/2004/181. М.: ЦЭМИ РАН, 2004.
7. Фаерман Е.Ю., Тарасова Н.А. и др. Динамика социально-экономической структуры населения РФ, его доходов и влияние мер социальной политики. Часть I. /Препринт # WP/2003/163/. М.: ЦЭМИ РАН, 2003.
8. Тарасова Н.А. О методах оценки скрываемых доходов и «теневой» занятости // Экономика и матем. методы. 2006. Т. 42. № 1.
9. Тарасова Н.А., Хачатрян С.Р., Тарасова М.С. Динамика и прогноз скрываемых элементов занятости и доходов // Экономическая наука современной России. 2006. № 4.
10. Форбс. 2004. № 2.
11. Шевяков А.Ю. Социальная политика и распределительные отношения: проблемы и пути реформирования. // Экономическая наука современной России. 2005. № 3.
12. Львов Д.С. О социальной доктрине России // Экономическая наука современной России. 2005. № 3.
13. Федоренко Н.П. Проблемы бедности и богатства в современной России // Экономическая наука современной России. 2005. № 3.
14. Айвазян С.А. О ключевых факторах социально-экономической политики и институционального развития, определяющих повышение качества жизни населения результаты эконометрического межстранового анализа // Мир России. 2005. № 1.
15. Социальная доктрина России // Экономическая наука современной России. 2005. № 3.
16. Римашевская Н.М. Некоторые проблемы социального реформирования в России // Проблемы прогнозирования. 2006. № 2.
17. Козлов В.Г. Элита экономической науки о социальных реформах // Экономическая наука современной России. 2005. № 2.
18. Тарасова Н.А. Производительность и оплата труда в России и Канаде. // Экономика и матем. методы. 2004. Т. 40. № 2.
19. Тарасова Н.А., Збарская И.А., Блюмина (Тарасова) М.С. Изменения в производительности труда и структуре занятости в переходный период // В сб.: Анализ и моделирование взаимодействия производственной и социальной сфер экономики России в условиях перехода к рынку. М.: ЦЭМИ РАН, 1996.
20. Семин Г.К. Куда завезла кривая, или лишние должны умереть // Научное сообщество. 2003. Май.
21. Куликов В. Роик В. Социальная политика как приоритет и приоритеты социальной политики // Российский экономический журнал. 2005. № 1.
22. Хачатрян С.Р., Фаерман Е.Ю., Тарасова Н.А. и др. Тарифы на услуги предприятий ЖКХ в условиях реформирования политики доходов населения / В сб.: Стратегическое планирование и развитие предприятий. Секция 2. Тезисы докладов и сообщений 5-го Всероссийского симпозиума». М.: ЦЭМИ РАН, 2004.

Таблица 2

Динамика чистых доходов и потребления населения в 1996-2003 гг., в ценах 2000 г.

Показатель		1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.
Y	ВВП								
	млрд. руб.	6500,35	6591,35	6242,01	6641,50	7305,65	7677,60	8036,60	8627,20
	темпы роста, %	96,4	101,4	94,7	106,3	110,0	105,1	104,7	107,3
V'	Чистые доходы населения,								
	млрд. руб.	4488,08	4756,33	4023,75	3338,25	3932,86	4366,54	4769,80	5301,43
	темпы роста, %	90,1	106,0	84,6	83,0	117,8	111,0	109,2	111,1
	доля скрываемых доходов, %	26,8	29,4	28,3	34,2	28,8	28,1	27,8	26,9
V_0	Официальные чистые доходы населения ($V'-V_c$)								
	млрд. руб.	3283,96	3356,02	2883,39	2197,45	2799,92	3138,46	3443,78	3876,02
	темпы роста, %	87,1	102,2	85,9	76,2	127,4	112,1	109,7	112,6
v'	Среднемесячный среднедушевой чистый доход на душу								
	руб.	2537,83	2697,45	2288,29	1906,13	2256,87	2519,94	2737,49	3055,23
	% к 2000 г.	92,7	98,5	83,6	69,6	82,4	92,1	100,0	111,6
	темпы роста, %	90,3	106,3	84,8	83,3	118,4	111,7	108,6	111,6
	в том числе								
	скрываемый в среднем на душу (V_c/N)								
	млрд. руб.	680,9	794,2	648,5	651,4	650,1	708,7	761,0	821,5
	% к 2000 г.	89,5	104,4	85,2	85,6	85,4	93,1	100,0	107,9
	темпы роста, %	99,6	116,6	81,7	100,4	99,8	109,0	107,4	107,9
	официальный чистый								
	млрд. руб.	1856,9	1903,3	1639,8	1254,7	1606,7	1811,2	1976,5	2233,8
	темпы роста, %	87,4	102,5	86,2	76,5	128,1	112,7	109,1	113,0
C_N	Потребление населения								
	млрд. руб.	3342,21	3574,37	3416,45	2898,92	3442,86	3904,62	4262,86	4735,68
	темпы роста, %	87,4	106,9	95,6	84,9	118,8	113,4	109,2	111,1
	в том числе по скрываемым доходам								
	млрд. руб.	1204,12	1400,30	1140,36	1140,81	1132,94	1228,08	1326,02	1425,41
	темпы роста, %	99,3	116,3	81,4	100,0	99,3	108,4	108,0	107,5
	официальным								
	млрд. руб.	2138,08	2174,06	2276,09	1758,11	2309,92	2676,54	2936,84	3310,28
	темпы роста, %	81,9	101,7	104,7	77,2	131,4	115,9	109,7	112,7
	Среднемесячное среднедушевое потребление на одного чел.								
	руб.	1889,9	2027,1	1942,9	1655,3	1975,7	2253,4	2446,5	2729,2
	% к 2000 г.	77,2	82,9	79,4	67,7	80,8	92,1	100,0	111,6
	темпы роста, %	87,6	107,3	95,8	85,2	119,4	114,1	108,6	111,6
$-R_N$	Результатирующее потребление (ориентировочно)								
	млрд. руб.	3285,39	3409,94	3201,21	2678,60	3122,68	3385,30	3695,90	4025,33
	темпы роста, %	85,9	103,8	93,9	83,7	116,6	108,4	109,2	108,9
$-Q_N$	Результатирующее фактическое (расширенное) потребление (ориентировочно)								
	млрд. руб.	4070,90	4247,44	3905,72	3219,78	3707,19	4058,89	4521,42	4897,08
	темпы роста, %	87,9	104,3	92,0	82,4	115,1	109,5	111,4	108,3
	Фактическое конечное потребление населения (госстатистика)								
	млрд. руб.	4128,450	4408,449	3973,687	3377,901	3813,523	4201,760	4634,755	4909,854
	темпы роста, %	88,9	106,8	90,1	85,0	112,9	110,2	110,3	105,9
	темпы роста фактического конечного потребления (по БД РФ), %	96,0	103,9	97,3	97,6	105,6	108,2	108,0	107,2

Таблица 3

Реальный и институциональные сценарии оплаты труда (млрд. руб., в ценах 2000 г.)

Показатели		1995 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
А. Реальный сценарий (макропрогноз)									
Доли:	$V_{т0}/V_{т}=\varphi_{т0}$	0,786	0,680	0,692	0,704	0,723	0,738	0,754	0,772
	$V_{тс}/V_{т}=\varphi_{тс}$	0,214	0,320	0,308	0,296	0,277	0,262	0,246	0,228
	$V'_{т0}/V_{т0}=\varphi'_{т0}$	0,525	0,632	0,640	0,645	0,635	0,637	0,636	0,632
	$V^c_{т0}/V_{т0}=\varphi^c_{т0}$	0,475	0,368	0,360	0,355	0,365	0,363	0,364	0,368
	$V'_{т0}/V_{т}=\varphi'_{т}$	0,413	0,430	0,443	0,454	0,460	0,470	0,479	0,488
W	Оплата труда наемных работников	3451,6	3225,1	3652,9	4143,7	4699,1	5245,4	5878,8	6654,5
$W_о$	Официальная оплата труда = $W - V_{тс}$	2865,6	2392,5	2749,0	3162,5	3662,4	4066,8	4642,5	5359,0
$V_{т0}$	из нее фонд заработной платы (ФЗП)	2157,4	1773,2	2030,9	2331,1	2710,5	3323,5	3795,1	4384,7
$V'_{т0}$	в том числе: облагаемая налогом часть	1133,0	1120,3	1299,0	1503,9	1722,0	2115,5	2412,0	2772,9
$V^c_{т0}$	выплаты социального характера	1024,4	652,9	732,0	827,2	988,5	1208,0	1383,1	611,8
$W_с$	Единый социальный налог	709,3	619,3	718,1	831,4	951,9	743,3	847,5	974,3
$V_{тс}$	Скрываемые трудовые доходы	586,0	832,6	903,9	981,2	1036,7	1178,6	1236,2	1295,5
$V_{т}$	Трудовые доходы	2743,4	2605,8	2934,8	3312,3	3747,2	4502,1	5031,3	5680,2
Б. Институциональный сценарий* с постоянным $V_{т}$: с 2006 г. $V_{тс}=0$ ($\varphi_{тс}=0$) и $\varphi^c_{т0}$ ниже на 1/3									
Доли:	$V_{т0}/V_{т}=\varphi_{т0}$	0,786	0,680	0,692	0,704	0,723	0,738	1,000	1,000
	$V'_{т0}/V_{т0}=\varphi'_{т0}$	0,525	0,632	0,640	0,645	0,635	0,637	0,757	0,755
	$V^c_{т0}/V_{т0}=\varphi^c_{т0}$	0,475	0,368	0,360	0,355	0,365	0,363	0,243	0,245
	$V'_{т0}/V_{т}=\varphi'_{т}$	0,413	0,430	0,443	0,454	0,460	0,470	0,757	0,755
	$V_{т0}$	ФЗП	2157,4	1773,2	2030,9	2331,1	2710,5	3323,5	5031,3
$V'_{т0}$	в том числе: облагаемая налогом часть	1133,0	1120,3	1299,0	1503,9	1722,0	2115,5	3808,9	4288,2
$V^c_{т0}$	выплаты социального характера	1024,4	652,9	732,0	827,2	988,5	1208,0	1222,4	1392,0
$W_с$	Единый социальный налог	709,3	619,3	718,1	831,4	951,9	743,3	1338,3	1506,7
W	Оплата труда наемных работников	3451,6	3225,1	3652,9	4143,7	4699,1	5245,4	6369,6	7186,8
$W_о$	Официальная оплата труда	2865,6	2392,5	2749,0	3162,5	3662,4	4066,8	6369,6	7186,8
В. Институциональный сценарий с постоянным $V_{т}$: с 2006 г. $V_{тс}=0$ ($\varphi_{тс}=0$), без изменения $\varphi^c_{т0}$									
Доли:	$V_{т0}/V_{т}=\varphi_{т0}$	0,786	0,680	0,692	0,704	0,723	0,738	1,000	1,000
	$V'_{т0}/V_{т}=\varphi'_{т}$	0,413	0,430	0,443	0,454	0,460	0,470	0,636	0,632
$V_{т0}$	ФЗП	2157,4	1773,2	2030,9	2331,1	2710,5	3323,5	5031,3	5680,2
$V'_{т0}$	в том числе: облагаемая налогом часть	1133,0	1120,3	1299,0	1503,9	1722,0	2115,5	3197,7	3592,2
$V^c_{т0}$	выплаты социального характера	1024,4	652,9	732,0	827,2	988,5	1208,0	1833,6	2088,0
$W_с$	Единый социальный налог	709,3	619,3	718,1	831,4	951,9	743,3	1123,5	1262,1
W	Оплата труда наемных работников	3451,6	3225,1	3652,9	4143,7	4699,1	5245,4	6154,8	6942,3
$W_о$	Официальная оплата труда	2865,6	2392,5	2749,0	3162,5	3662,4	4066,8	6154,8	6942,3

* По прогнозу I (см. табл. I).

Динамика и прогноз макропоказателей доходов и потребления населения:
сценарии реальный и институциональный, цены 2000 г., млрд. руб.

Показатель		1995 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
А. Реальный сценарий (макропрогноз)									
V_T	Трудовые доходы	2743,4	2605,8	2934,8	3327,5	3971,8	5132,3	5776,0	6530,7
V_{TC}	в том числе скрываемые	586,0	832,6	903,9	981,2	1 036,7	1178,6	1236,2	1295,5
V_{II}	Предпринимательские доходы	1796,3	1297,7	1340,2	1409,8	1396,3	1307,9	1302,0	1273,1
V_{IIo}	в том числе официальные	1169,8	902,2	918,1	970,1	887,9	691,8	655,3	589,5
V_s	Социальные денежные трансферты	636,6	677,4	753,9	874,1	1029,5	1228,1	1425,4	1662,6
$V_s - W_s$	Социальные денежные трансферты – ЕСН	-72,6	58,1	35,9	38,9	20,6	380,7	452,5	542,4
V	Общие доходы	5176,4	4580,9	5029,0	5611,4	6397,5	7668,2	8503,5	9466,4
V_c	в том числе скрываемые	1212,6	1228,1	1326,0	1425,4	1607,2	1959,6	2065,9	2173,0
B_N	НДФЛ	195,0	214,4	259,2	310,0	384,0	496,0	599,3	730,5
V'	Чистые доходы	4981,4	4366,5	4769,8	5301,4	6013,6	7172,2	7904,2	8735,9
C_N	Потребление	3823,7	3904,6	4262,9	4735,7	5368,6	6399,1	7046,9	7781,5
Г. Институциональный сценарий с постоянным V : с 2006 г. $V_c=0$									
$V_T=V_{To}$	Трудовые доходы (официальные)	2743,4	2605,8	2934,8	3327,5	3 971,8	5132,3	5776,0	6530,7
$V_{II}=V_{IIo}$	Предпринимательские доходы (официальные)	1796,3	1297,7	1340,2	1409,8	1396,3	1307,9	1302,0	1273,1
$V_s - W_s$	Социальные денежные трансферты – ЕСН	-72,6	58,1	35,9	38,9	20,6	380,7	187,1	155,9
$V=V_o$	Общие доходы (официальные)	5176,4	4580,9	5029,0	5611,4	6397,5	7668,2	8503,5	9466,4
B_N	НДФЛ	195,0	214,4	259,2	310,0	384,0	496,0	791,5	948,1
V'	Чистые доходы	4981,4	4366,5	4769,8	5301,4	6013,6	7172,2	7712,0	8518,3
C_N	Потребление	3823,7	3904,6	4262,9	4735,7	5368,6	6399,1	6854,7	7563,9
* По прогнозу II (см. табл. I).									

Таблица 5

Динамика душевых социальных трансфертов в 1995-2004 гг., в текущих ценах

Показатель	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.
Средняя пенсия										
назначенная (с учетом компенсации) руб.	188,1	302,2	366,4	402,9	521,5	823,4	1138,0	1462,3	1747,4	1894,0
темпы роста	—	101,8	105,6	86,1	66,0	134,4	115,8	111,0	120,0	113,9
% к заработной плате в экономике	39,8	38,2	38,6	38,3	34,3	37,0	35,1	33,5	31,7	28,0
% к ПМ пенсионеров	101,0	116,0	126,4	115,8	81,5	90,6	99,5	106,0	108,9	105,2
минимальная (с 2002 г. – базовая часть) по старости										
руб.	—	—	—	84,2	84,2	108,4	153,1	450,0	522,4	598,0
% к ПМ пенсионеров	—	—	—	24,2	13,2	11,9	13,4	32,6	32,5	33,2
Стипендия в среднем (без повышенных надбавок)										
руб.	53,0	70,3	107,3	109,8	112,9	116,8	141,3	149,7	160,0	182,1
% к ПМ трудоспособного населения	17,8	16,9	23,2	19,8	11,3	8,8	8,7	7,6	6,9	7,0
в том числе										
ПТУ, ССУЗы										
руб.	44,3	53,1	58,4	58,4	58,4	58,4	70,0	70,0	70,0	140,0
% к ПМ трудоспособного населения	16,5	14,2	14,1	11,7	6,5	4,8	4,7	3,9	3,3	5,9
вузы										
руб.	63,3	76,0	167,0	167,0	167,0	167,0	200,0	200,0	200,0	400,0
% к ПМ трудоспособного населения	21,3	18,3	36,1	30,1	16,7	12,7	12,3	10,2	8,7	15,4
аспиранты-очники										
руб.	126,5	227,7	250,5	417,5	417,5	417,5	500,0	500,0	500,0	1000,0
% к ПМ трудоспособного населения	42,6	54,8	54,2	75,3	41,6	31,6	30,7	25,4	21,7	38,4
докторанты-очники										
руб.	379,5	455,4	500,9	835,0	835,0	835,0	1000,0	1000,0	1000,0	2000,0
% к ПМ трудоспособного населения	127,7	109,6	108,3	150,5	83,3	63,3	61,4	50,8	43,4	76,9
Пособие и материальная помощь для безработных										
руб.	108,7	149,7	203,3	245,1	441,3	365,6	380,8	477,1	590,0	676,5
% к ПМ трудоспособного населения	36,6	36,0	44,0	44,2	44,0	27,7	23,4	24,3	25,6	26,0
Детское пособие в среднем на одного ребенка без (стипендиантов)										
руб.	57,4	73,8	77,4	73,3	65,8	59,5	69,3	100,7	114,3	135,7
% к ПМ младшего возраста	21,4	19,8	18,6	14,7	7,3	4,9	4,6	5,6	5,5	5,7
ПМ (методика Минтруда), руб.	264,1	369,5	411,2	493,3	907,8	1210,0	1500,0	1808,0	2112,0	2370,0
пенсионеров										
руб.	186,2	260,5	289,9	347,9	639,9	909,0	1144,0	1379,0	1605,0	1801,0
% к ПМ трудоспособного населения	70,5	70,5	70,5	70,5	70,5	75,1	76,3	76,3	76,0	76,0
трудоспособного населения										
руб.	297,2	415,6	462,4	554,7	1002,8	1320,0	1629,0	1967,0	2304,0	2602,0
% к ПМ	112,5	112,5	112,4	112,4	110,5	109,1	108,6	108,8	109,1	109,8
младшего возраста										
руб.	268,6	373,2	415,1	498,2	901,7	1208,0	1499,0	1799,0	2090,0	2366,0
% к ПМ	101,7	101,0	100,9	101,0	99,3	99,8	99,9	99,5	99,0	99,8
Минимальный размер оплаты труда										
руб.	42,5	72,7	83,5	83,5	83,5	83,5	200,0	300,0	450,0	600,0
% к ПМ трудоспособного населения	14,3	17,5	18,1	15,1	8,3	6,3	12,3	15,3	19,5	23,1
Среднедушевой денежный доход (наш расчет)										
руб.	574,9	783,7	959,9	1034,3	1689,2	2357,2	3154,6	3988,2	5080,8	6459,7
темпы роста	—	90,6	106,7	84,4	83,3	118,8	112,2	109,2	112,0	114,6
% к ПМ	217,7	212,1	233,4	209,7	186,1	194,8	210,3	220,6	240,6	272,6